

ARCTIC
MONARCH

ARCTIC MONARCH
ДОК УМОР

ИСКУШЕНИЕ

СЕСЕЛИЯ СУАРЕЗ

КАЗАНЬ
ФИЛМ

18+

Сесилия Суарез

Искушение

<https://litres.ru/73940811>

SelfPub; 2026

Аннотация

Кто-то шёл по коридору. Я быстро убрал платок в карман, вернул ее трусики на место. Поправил кружево, одёрнул платье. Обнял её за талию, помог спуститься на пол. Каблочки стукнули по ламинату.

Она стояла, не сводя с меня глаз. Я поправил её волосы. Пригладил платье на плечах. Выглядит вполне профессионально. Если не знать, как она только что стонала.

— Нам пора, — сказал я. — Выгляди не так счастливо. Твой парень ждёт тебя снаружи.

Она моргнула. Потом её глаза расширились — осознание пришло.

— Ты... ты козёл! — прошипела она.

Она ударила меня кулаками в грудь. Раз, другой. Не больно, но гулко.

Я рассмеялся.

«Вырез в пределах корпоративного дресс-кода». Я выучила регламент, чтобы он не придрался. Но он придирается к запятым, к температуре чая, к факту моего существования. Он заставляет носить одежду нашего бренда, а я в отместку покупаю кружевное

белье, чтобы быть немного увереннее. Надо бы сбежать от его глаз и его нежных рук, но я сдаюсь каждый раз, когда он подходит слишком близко.

Содержание

Глава 1. Кружевные трусики на деньги босса	5
Глава 2. Хищник в офисе	27
Глава 3. Грехопадение в президентском люксе	38
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Сесилия Суарез

Искушение

Глава 1. Кружевные трусики на деньги босса

Знаете, что общего между ипотекой и Иваном Долгомаровым?

И то, и другое — пожизненное заключение без права на досрочное освобождение.

Разница лишь в том, что ипотеку я выбрала сама. А Долгомарова мне подсунула судьба, видимо, в качестве кармической компенсации за то, что в прошлой жизни я была Гитлером. Потому что нормальному человеку не выпадает такой босс.

Я ненавижу Ивана Долгомарова.

Нет, не так.

Я вынашиваю ненависть к Ивану Долгомарову так же тщательно, как он вынашивает планы по захвату мирового ритейла. Эта ненависть — моя единственная кардиотренировка. Каждое утро, когда я вхожу в стеклянные двери бизнес-центра на Большой Морской улице, сердце совершает прыжок в длину. И если бы не ипотека, я бы уже десять раз

послала его куда подальше. Но ипотека — это кандалы. За двушку в Мурино придется выплачивать еще лет двадцать. Зато своя. Своя квартира с серыми стенами и вечно капающим краном. Я даже дала ему имя — Капа. Он единственный мужчина в моей жизни, который не пытается меня унижить. Вот почему я до сих пор здесь, в этих стеклянных джунглях на девятом этаже, где воздух пахнет дорогим парфюмом, деньгами и страхом. Страхом перед ЭТИМ человеком.

Сегодня утро началось стандартно: кошмар, душ, чёрный кофе, молитва Всевышнему, чтобы лифты работали. В отражении двери в метро я увидела своё лицо с синяками под глазами — я спала четыре часа, потому что вчера до потери пульса сверяла отчёт по продажам за четвёртый квартал. Итог: наш питерский бутик в ДЛТ показал падение на 2%, и Долгомаров наверняка вызовет меня с самого утра. Я знала, что он сделает: сначала будет молчать, потом тихим голосом спросит: «Филатова, вы считаете 2% допустимой потерей?» А когда я скажу, что рынок упал на 5%, он ответит: «Мне не интересен рынок. Мне нужны положительные цифры. Вы должны были предвидеть».

Он всегда так. Перекладывает ответственность. Его любимая фраза за последнюю неделю: «Вы меня разочаровали». Он произносит это с таким видом, будто я разрушила его детство. А я всего лишь поставила газированную минералку вместо негазированной на переговорах с итальянцами. Они, кстати, даже не заметили. Но он заметил. Он замечает всё.

Мало того, что замечает, изощренно унижает. Однажды на совещании он сказал, что я «похожа на студентку на распродаже в «Н&М». Я тогда была в чёрном свитере и классических брюках — идеальном офисном луке. Но нет. Для Ивана Долгомарова его приёмная — это лицо компании. А лицо компании не может носить масс-маркет.

Я до сих пор помню тот день. Он вызвал меня, молча окинул взглядом с головы до ног и сказал, не повышая голоса:

— Филатова, вы выглядите так, будто вас ограбили на выходе из «Домового». У нас бренд премиум-класса. А вы — первое, что видят клиенты, когда заходят к нам в офис. Стыдно.

Мне не было стыдно. Зато было очень зло. До скрежета зубов. Я было хотела ответить про свою зарплату, но он протянул чёрную карту:

— Водитель ждёт. Не возвращайтесь без блузок, юбок и хотя бы одной пары туфель, которые дышат кожей, а не китайской синтетикой.

Я провела в ДЛТ четыре часа. Консультантка — блондинка с идеальным французским маникюром и добродушным лицом — сначала смотрела на меня, как на прокажённую. Но когда увидела карту, её нос мгновенно задрался вверх, а голос стал медовым.

— Что бы вы хотели, милая? У нас новая коллекция от Arctic Monarch, кстати.

— Я в курсе, — сказала я. — Я там работаю.

Она моргнула.

Я купила всё, что он велел. Юбки-карандаши, блузки из шёлка, брюки из итальянской шерсти, пиджаки, платья, туфли. И даже получила в подарок наш же шарф, который стоил, как два месячных взноса по ипотеке. Общая сумма перевалила восемьсот тысяч. У меня голова закружилась, когда я увидела цифры на терминале. Но он платит, я просто выполняю поручение начальства.

Потом девушка повела меня в бельевой отдел.

— У нас есть отличные комплекты из микрофибры, очень удобные, незаметные под одеждой...

— Микрофибру оставьте себе, — сказала я, чувствуя странное возбуждение. — Мне кружево. Давайте Agent Provocateur.

Она удивилась. Я удивилась себе ещё больше. Потому что Agent Provocateur — это когда ты хочешь, чтобы тебя в этом увидели. Это была моя маленькая месть, нижнее белье невозвратное. Долгомаров увидит обязательно чек, жаль, я не увижу его лица при этом. Пусть подавиться.

Я выбрала четыре комплекта. Чёрный: бюстгальтер с полупрозрачными чашками и полупрозрачные трусики-танга с кружевной каймой. Бежевый: более скромный, закрытый, но с шикарной вышивкой. Белый классический, кружевной и нежный, как облако. И, вишенка на торте, бордовый. Не красный — красный кричит, красный требует немедленного внимания. А бордовый — темнее, глубже, опаснее. Цвет за-

пёкшейся вишни, цвет тёмного вина. Цвет, который остаётся на губах после долгого поцелуя. Я взяла весь комплект: бюст-гальтер, приподнимающий грудь, стринги и пояс для чулок. Белье оказалось неожиданно комфортным. Трусики с тонкой полоской кружева спереди — цветочная вышивка, нежная, почти прозрачная. Сзади — мягкие линии тесемок. Европейская цветочная вышивка на бюстике. Тонкая, почти невесома, покрывает сетчатую основу. Напоминает мне сады в сумерках, когда бутоны цветов уже закрываются, но их силуэты ещё видны. Вышивка не плоская, не принт — она живёт своей жизнью, переливается, ложится тенями на кожу.

Это было не белье, а оружие. Моя самая сладкая, самая изощренная месть этому деспоту. Особенно нелепо смотрелись нежные бантики. Маленькие, почти игрушечные, пришиты там, где соединяются тесьма и вышивка. Я смотрела на них и думала: кто придумал добавить бантики на оружие? Это почти смешно. Почти невинно. Как белое платье в фильме ужасов. Контраст, который убивает наповал.

Общая сумма — триста семьдесят семь тысяч рублей. Карта «пикнула» одобрением. Я представила, как Долгомарову на телефон приходит уведомление. «Списано 377 000 рублей, магазин Agent Provocateur». И улыбнулась. Впервые за тот день.

Мысленно я послала ему воздушный поцелуй. На, выкуси, Иван Дмитриевич. Ты хотел, чтобы я оделась? Ты одел меня с ног до головы. Пусть это будет твоей маленькой головной

болью.

На следующий день он посмотрел на меня, кивнул на блузку (я надела синюю, с V-образным вырезом) и сказал:

— Хорошо. Теперь вы выглядите так, будто действительно тут работаете.

Ни слова про бельё. Ни намёка. Как будто не было никакого уведомления. Как будто Agent Provocateur — это не 377 тысяч, а булочка за сотку в «Буше».

Меня это бесит до сих пор. Он непробиваем. У него кожа из бронестекла, а сердце, наверное, из жидкого азота. Я купила кружево, чтобы его спровоцировать, а ему хоть бы хны. Он даже бровью не повёл. С тех пор я ношу это бельё каждый день. Не для него — для себя. Чтобы помнить: я могу потратить его деньги на самую бесполезную, самую роскошную, самую неприличную вещь на свете. И он ничего мне не сделает.

Сегодня я надела чёрное кружево. Потому что среда, а по средам у нас — совещания с инвесторами, и мне нужно чувствовать себя в броне. Блузку — синий шёлк, Arctic Monarch, осенняя коллекция, модель 403. Вырез V-образный, четыре застёгнутые пуговицы, ровно по корпоративному стандарту, который я выучила наизусть после того, как он унизил меня на общем собрании. Тогда он сказал: «Филатова, ваш вырез отвлекает мужчин. И не потому, что там есть на что смотреть — потому что он вульгарен». Я покраснела до корней волос. А потом взяла регламент и выучила его от

корки до корки. Теперь я знаю допустимую глубину выреза до миллиметра. И я ношу ровно эту глубину. С вызовом.

В лифте я встретила начальника отдела закупок, Игоря Семёновича. Ему пятьдесят, он боится Долгомарова так же, как все в этой фирме, прямо трясётся.

— Лица, доброе утро, — сказал он, поправляя галстук. — Иван Дмитриевич сегодня... в духе?

— Когда он был вообще в духе? — фыркнула я. — Но не волнуйтесь, Игорь Семёнович, если он спросит про поставки кашемира, скажите, что я всё контролирую. Я вас прикрою.

— Ох, спасибо, — выдохнул он. — Ты у нас молодец. Золотой помощник.

На девятом этаже дверь лифта открылась, и в нос ударил запах офиса: кофе, бумага и страх. Вера из приёмной — женщина лет пятидесяти, его секретарь — уже была на месте. Она выполняла его личные поручения: бронь билетов и отелей в командировки, заказ столиков в ресторанах, химчистка и все такое. Сейчас Вера увидела меня и подняла бровь.

— Лисёнок, — она называет меня так из-за рыжины в волосах. — Он сегодня с утра уже переделал три отчёта. Не завтракал. Хочет кого-то уволит. Держись.

— Уволить хочет? — я усмехнулась, снимая пальто. — Кого? Меня? Он без меня не протянет и дня. Кто тогда будет чай ему заваривать при правильной температуре?

— Ты права, — вздохнула Вера. — Но всё равно. Не лезь на рожон.

— Я не лезу, — сказала я, поправляя блузку. — Я просто иду. С высоко поднятой головой и четырьмя застёгнутыми пуговицами.

Я села за свой стол — за стеклянной перегородкой расположились два монитора, стопка документов, мёртвый цветок в горшке (я его все равно поливаю, хоть он и дохлый, как моя карьера). Открыла компьютер, пробежала глазами почту. Срочно, срочно, срочно. Всё срочно. У Долгомарова, кажется, нет другого слова.

В 9:58 внутренний динамик ожил. Голос тихий, ледяной, без приветствия.

— Филатова, ко мне.

Я задержалась на минуту. Специально. Пусть знает, что я не бегу по первому зову, как собачонка. Я прошлась каблучками по ламинатному полу медленно, ритмично, почти вызывающе. Я — твой помощник, а не рабыня. Хотя по факту...

Кабинет Долгомарова — это моя личная камера пыток, выполненная в стиле хай-тек. Стены из серого дизайнерского бетона, огромные окна на Исаакий — внизу кипит петербургская жизнь, а здесь, наверху, только холод, стекло и чёрная кожа. На стенах — фотографии горных вершин. Он альпинист, конечно. Куда без этого. Пахнет дорогим кофе и его парфюмом — я так и не узнала марку, но запах терпкий, с табаком и кожей, и он действует на меня, как красная тряпка на быка. Я зверею. Или теку. Сложно понять. Одно я знаю точно. Я это ненавижу.

Я вошла без стука. Он ненавидит стук. Говорит, что отвлекает. На самом деле хочет показывать, что его пространство всегда открыто. Все знают, что это просто иллюзия свободы.

Он сидел за столом — чёрный монолит без единой булавки, только ноутбук и стакан с водой — и даже не поднял головы. Тёмные волосы, идеальная стрижка. Рубашка белоснежная, закатана до локтя, открывая предплечья с тёмными волосами и дорогие часы. Я не разбираюсь в часах, но знаю, что они стоят как моя прихожая. И ванная. И кухня вместе взятые.

— Вы опоздали на минуту, — сказал он, не глядя. Голос тихий, но я слышу каждое слово. В этой тишине тиканье его настенных часов звучит как метроном перед казнью.

— Доброе утро, Иван Дмитриевич, — сказала я с самой лучезарной улыбкой, на которую способна. — Как спалось? Мне, знаете, отлично. Снилось, что я уволилась и уехала на Бали.

— На Бали сезон дождей, сейчас туда никто не ездит.

Он поднял голову. Серые глаза холодные, колючие, с лёгким прищуром уставились на меня. Скользнули по лицу, потом вниз. Задержались на вырезе на долю секунды. Так мало, что я могла бы принять это за случайность. Но я видела этот взгляд уже десять раз за три месяца. Он всегда задерживается на миллисекунду дольше, чем нужно. И от этого внутри разливается тепло, которое я тут же давлю ненавистью.

— О, — говорит он таким тоном, будто нашёл у себя в салате гусеницу. — Вы всё-таки купили приличную блузку. Какая коллекция?

— Осень-зима прошлого года. Модель 403, — отвечаю я, потому что знаю наизусть ассортимент. Он учил меня этому две недели, устроив личный экзамен. Я тогда чуть не плакала от бессилия, но выучила. Всё. До артикулов.

— Сидит неплохо. Цвет вам идёт. Но грудь... — он на мгновение запинается, и я вижу, как дёргается его скула, — вырез мог быть и меньше. В нашем бизнесе не принято...

— Вырез в пределах корпоративного дресс-кода, — перебиваю я тихо, но твёрдо. — Я сверялась с регламентом. Максимальная глубина — до третьей пуговицы. У меня застёгнуто четыре.

Он замирает. И я вижу, как уголок его губ дёргается. Чуть-чуть. Это может быть улыбка, а может тик. С ним никогда не поймёшь.

— Четыре, значит, — повторяет он. И вдруг встаёт из-за стола.

Он высокий. Очень. Когда он сидит, я ещё могу притворяться, что мы на равных. Но когда он поднимается — будто скала в два метра, широкие плечи, которые только подчеркивают идеальный крой пиджака. Мне тут же хочется сделать шаг назад. Или вперёд. Я не знаю. Моё тело предаёт меня — пульс учащается, ладони потеют. Хорошо, что он не видит моих рук — они за спиной, сцеплены в замок.

Он обходит стол и садится на его край — прямо передо мной. Теперь его колено в нескольких сантиметрах от моей юбки. Я чувствую жар от его тела. И снова этот запах. Табак, кожа, грех.

— Вы сегодня хорошо выглядите, Филатова, — говорит он, и в его голосе нет комплимента. Это констатация факта. Та же интонация, как если бы он сказал «отчёт свёрстан верно». — Наконец-то. Я уже начал сомневаться, что мои деньги потрачены с умом.

Он говорит про карту. И я краснею. Не от благодарности — от унижения. Потому что он напоминает мне, что я ношу его подарки.

— Я всё верну, — выдыхаю я, хотя мы оба знаем, что это ложь. Возвращать нечем.

— Я сказал, что эти деньги — инвестиция в лицо компании, — он наклоняет голову, и упрямая темная прядь падает на лоб. — А инвестиции не возвращают. Они окупаются. Или нет. Пока вы выглядите окупаемой. Но посмотрим.

«Окупаемая». Вот так. Я не человек, не сотрудник. Я актив. Основное средство. Мне хочется сказать ему всё, что я думаю. Но вместо этого я просто киваю и спрашиваю тем ледяным тоном, который освоила за три месяца работы с ним:

— Что нужно сделать, Иван Дмитриевич?

Он ухмыляется. Открыто, впервые за сегодня. У него красивые губы — полные, но жёсткие. И когда он ухмыляется, я замечаю маленькую морщинку у правого глаза. От этого он

становится почти человеком.

— Умница, — говорит он, и это звучит почти как похвала. Но я знаю, что похвалы от него не дожждаться. — Мне нужно, чтобы вы подготовили полный пакет документов по открытию торговой точки в Казани. Субаренда, договор с подрядчиком по отделке, договоры подряда, разрешительная документация — весь пакет к трём часам сегодня.

Я знаю этот проект. Мы открываемся в Казани через два месяца. Магазин в пятьсот квадратов, премиум-сегмент. Всё на мне: вся документация, все согласования. Я уже сбилась с ног, заказывая вывеску и согласовывая цвета стен. Точнее пиная профильные отделы, которые должны это делать.

— Иван Дмитриевич, договор с подрядчиком ещё не готов, юристы правят последние пункты, я не успею к трём...

— Успеете, — отрезает он. — Вы мой помощник. Ваша работа — делать невозможное. Если вы не справляетесь, я найму другого.

— Я справляюсь, — сжимаю зубы.

— Вот и отлично. — Он отталкивается от стола и возвращается в кресло. — И ещё, Филатова. Чай мне. Зелёный, без сахара. И проследите, чтобы температура была ровно семьдесят градусов.

— Семьдесят, — повторяю я.

Он не шутит. Я знаю. Прoshлый раз, когда я принесла чай шестьдесят пять градусов, он заставил меня перезаваривать три раза. Три! Я стояла у кулера с чайником и плакала от

бессилия.

Я иду на кухню. Вера смотрит на меня с сочувствием, но ничего не говорит. Вера умная — она уже три года работает в приёмной и знает, что Иван Долгомаров не терпит обсуждений.

На корпоративной кухне — целый чайный арсенал. Заварной чайник из прозрачного стекла, несколько баночек с зелёным чаем — с жасмином, с кедровыми орешками. Я беру «Лунный свет» — это его любимый, я выучила. Насыпаю ровно две ложки. Заливаю водой из кулера. Грею до пузырьков на дне. Достаяю из ящика термометр, пришлось купить кондитерский. Опускаю в воду. Семьдесят один. Чуть-чуть перегрела. Открываю окно в коридоре, дую на чайник, как на молоко для младенца. Даю постоять минуту — семьдесят ровно.

Наливаю в чашку — тонкий фарфор, ручная роспись. Несу. Вхожу без стука. Ставлю на стол.

Он берёт чашку, подносит к губам, делает маленький глоток. Я смотрю на его горло, когда он глотает. Кадык двигается. И я снова думаю о том, какие у него губы. Ненавижу себя за это.

— Приемлемо, — роняет он. — Идите, готовьте документы.

Я выхожу в коридор и прислоняюсь к стене. Три часа. Договор с подрядчиком — сорок три страницы юридического ада, юристы обычно правят его три дня. А сегодня мне нуж-

но добиться от них того же за четыре часа.

Захожу в свой закуток в его приёмной. В основной части властвует его секретарь Вера, но у меня отдельный стол в углу, отгороженный стеклянной перегородкой. Место, где я правлю чужие ошибки, завариваю чай и выживаю.

Звоню юристу Павлу Сергеевичу. Он серьёзный, матерый, его все боятся, я в том числе. Но сейчас я зла, и это помогает.

— Павел Сергеевич, доброе утро. Мне нужен договор со «Стройкомом» до трёх часов.

В трубке молчание. Потом смешок.

— Лика, ты с ума сошла? Я правлю его уже три дня. Там поставщик меняет смету каждый час. Я не успею.

— Павел Сергеевич, — голос у меня ледяной. Я научилась у шефа. — Иван Дмитриевич сказал к трём. Если вы не успеете, я скажу ему, что причина — ваша медлительность.

— Ты не посмеешь, — говорит он, но без уверенности.

— Я его помощник. Моя работа — передавать информацию. Он спросит: «Почему не готово?» Я отвечу: «Юридический отдел не справился». И вы знаете, что он сделает.

Он знает. Иван Долгомаров уволил предыдущего начальника отдела закупок за то, что тот опоздал на совещание на пятнадцать минут. Не за плохую работу — за опоздание. С нами он делает то же, но изошрённей.

— К двум тридцати скину на почту, — бурчит юрист и бросает трубку.

Я выдыхаю. Дальше — разрешение от администрации ТЦ.

Звоню в Казань. Милая девушка на том конце говорит, что заявка рассматривается две недели. Я говорю, что у нас открытие через два месяца, и что Иван Долгомаров лично позвонит мэру, если документы не будут готовы вовремя. Она пугается — все в Казани знают Долгомарова после истории с торговым центром, где он отсудил помещение у самого города. Обещает ускорить.

— Переслать сканы на почту после обеда? — робко спрашивает она.

— Сегодня до двух, — поправляю я. — И оригиналы курьером, за наш счёт.

Девушка вздыхает: «Хорошо».

Я занимаюсь отчётом по субаренде, потому что сегодня платежи за февраль, а финансисты вечно задерживают. Звоню в бухгалтерию, прошу подтверждение. Там женский коллектив, они меня недолюбливают — я молодая и в дорогих шмотках, которые не заслужила. Да, это не мои деньги, но кто им объяснит? Точно не я, а то еще слухи пойдут.

— Лика, шеф подписал счета? — спрашивает главбух Инна, женщина с лисьим лицом. — Мы без его подписи не переводим.

— Прямо сейчас подписывает, — говорю я. На самом деле я позже распечатаю платёжки и принесу ему на подпись. Он подпишет, не глядя, потому что верит мне. Странно, да? В мелочах он мучает меня, но в важных вопросах и в деньгах доверяет. Я единственный человек в компании, у которого

есть электронная подпись Долгомарова на внутренних документах. Эту привилегию я получила месяц назад, когда спасла полмиллиона, заметив, что в новой редакции контракта потерялся один пункт.

В двенадцать он присылает новую задачу в мессенджере. «Филатова, где план переговоров на завтра? Я жду».

Я не принесла, потому что он не говорил о переговорах. Но сейчас не время спорить. Быстро накидываю схему: встреча с поставщиком кашемира из Италии, ланч с ключевым инвестором в ресторане, демонстрация новой коллекции. Распечатываю, бегу к нему.

Он сидит с телефоном, бросает взгляд на план — секунда. — Пункт пять. «Обсуждение скидки». Напишите конкретный процент. Не «обсуждение», а «предложить 12% при предоплате 50%».

— Я думала, лучше оставить пространство для манёвра...
— Вы не должны думать. Ваша задача — делать так, как я сказал, — он отдаёт мне лист. — Переделать.

Я переделываю. Через пять минут он снова звонит: «Пункт девять. Формулировка «уточнить сроки отгрузки» — размытая. Напишите «зафиксировать отгрузку не позднее 15 марта с правом пролонгации за отдельную плату».

Я пишу. И думаю: откуда он вообще знает все эти детали? Он владелец корпорации с миллиардным оборотом, а мучается с каждым пунктом плана, как последний клерк. Потому что он контрол-фрик. Потому что он хочет всё знать. И

потому что он не доверяет никому. Даже мне, даже себе, наверное.

В час дня приходит договор от юриста. Я пробегаю глазами — все пункты на месте, смета зафиксирована. Печатаю два экземпляра, сама подписываю за нашего генерального — у меня есть доверенность, которую он дал после того, как я дважды спасла сделку, обнаружив ошибки в расчётах и отсутствие важного пункта. Тогда он впервые посмотрел на меня иначе. Сказал: «Вы, кажется, не совсем бесполезны». И это была вершина его похвалы.

Сканирую, отправляю подрядчику на подпись. Звоню им: — Электронную версию подписываете сегодня, оригиналы пришлёте завтра утром курьером.

— Но у нас директор в командировке...

— Тогда отправьте ему самолетом. Я жду.

И я жду. И он, чёрт возьми, подписывает. Потому что все боятся Долгомарова. Все, кроме меня. Я его ненавижу, но не боюсь. Это тонкая грань: страх — когда думаешь, что он тебя уволит. Ненависть — когда мечтаешь уволиться сама. Я пока во второй категории.

К двум часам я собираю пакет документов по Казани: договор субаренды, разрешение из ТЦ, договоры подряда, сметы, планы, разрешения на рекламу, согласование вывески с местным надзорным органом.

В 14:55 я вхожу в кабинет. Он не смотрит на меня — листает что-то в телефоне. Я кладу папку на стол.

— Иван Дмитриевич, полный пакет по Казани. Договор с подрядчиком подписан, разрешительная документация в наличии, субаренда оформлена. Оригиналы будут завтра.

Он поднимает голову. И опять этот взгляд — сначала на меня, потом на папку, потом снова на меня.

— Не может быть, — тихо говорит он и открывает папку. Листает, будто сканирует. Останавливается на каждом документе, вчитывается. Я знаю, что ошибок нет. Я проверяла трижды.

Он закрывает папку.

— Присядьте, Филатова.

Я не верю своим ушам. «Присядьте». Такое впервые. Обычно он держит меня стоя, чтобы я чувствовала себя неудобно. Но сейчас он кивает на стул напротив. Я сажусь. На самый край стула, половиной попы. Спина прямая.

— Вы работаете у меня три месяца, — говорит он. — За это время вы допустили десять ошибок в документах, опоздали на утреннее совещание, один раз не так заварили чай. Вы некомпетентны. Вы медленны. Вы...

— Я пропустила запятую в договоре с итальянцами, — перебиваю я. — И опоздала, потому что лифты не работали — это было зафиксировано службой эксплуатации. А чай я перезаварила три раза, пока не угодила в семьдесят градусов. Если я такая некомпетентная, почему вы не уволили меня в первый месяц?

Тишина. Я сама не ожидала от себя такого. Мои щёки го-

рят, руки трясутся, но я смотрю ему прямо в глаза. В серые, холодные, колючие.

И вдруг он улыбается. Настоящей, пусть и короткой улыбкой. И говорит:

— Потому что вы единственный человек в этой компании, который не боится мне перечить. И при этом выполняет задачи. Золотое сечение, — он откидывается в кресле. — Но не обольщайтесь. Сегодня вы справились. Завтра, возможно, нет.

Я встаю, готовая уйти. Но он поднимает руку.

— Завтра едете со мной в командировку в Казань. Посмотрим объект, встретимся с партнёрами. Отель я забронировал. Билеты пришлет Вера. С собой — только самое необходимое.

— В командировку? Но у меня... — для него не существует никаких «но». Я просто киваю. — Хорошо. Какие документы брать?

— Все по проекту, — он смотрит на меня долгим взглядом. — И, Филатова? Вы не должны меня подвести. Потому что если вы подведёте меня в этот раз, я не просто скажу, что вы некомпетентны. Я сделаю так, что вы сами уволитесь. А ваша ипотека не простит вам этого.

Он знает про ипотеку. Конечно, знает, гад. Он знает всё. И мучает потому, что мне некуда уйти.

Я встаю.

— Я не подведу, Иван Дмитриевич.

— Надеюсь, — он берёт телефон, давая понять, что разговор окончен. — Завтра если опоздаете, ждать не буду, ищите новую работу.

Выхожу. Вера смотрит на меня с сочувствием.

— Он тебя берет с собой в Казань?

— Да.

— Сочувствую. Он в командировках ещё более невыносим.

— Быть невыносимее, чем здесь? Не верю.

Вечером, в своей двушке в Мурино я снимаю дорогую блузку, дорогую юбку, дорогое бельё. Смотрю на себя в зеркало. Тощая, бледная. Ничего особенного.

Я открываю шкаф. Бордовый комплект лежит на верхней полке, завёрнутый в папиросную бумагу. Провожу пальцем по кружеву — оно мягкое, почти невесомое. Бюстгальтер с полупрозрачными чашками, стринги с тонкими завязками, и подвязки. Чулки я тоже купила тогда, в ДЛТ. Чёрные, ажурные, до середины бедра. Они всё ещё лежат в коробке.

Завтра я полечу в Казань. С ним.

Я смотрю на себя в зеркало, осматриваю пристально грудь, ключицы, талию, бедра. Обычное тело. Ничего особенного. Но он смотрел. Его взгляд задержался на вырезе на долю секунды дольше, чем нужно. Я не придумала. Не придумала же?

Беру бордовый комплект. Надеваю медленно, словно примеряю броню перед боем. Кружево скользит по коже, холод-

ное сначала, потом нагревается от тела, от стыда, от злости, от того, что я вообще это делаю. Бюстгальтер садится идеально — чашки облегают, кружево почти ничего не скрывает. Я поворачиваюсь боком. Грудь выглядит так, будто её рисовали специально для рекламы. Трусики едва прикрывают, завязки на бёдрах затягиваю ту же, чем нужно, чтобы чувствовать лёгкое натяжение.

Чулки. Чёрные, ажурные. Я натягиваю их медленно, проводя ладонями по ногам от щиколоток до бёдер. Кожа под пальцами горит. Застёгиваю подвязки — четыре зажима, каждый щёлкает, как вызов самой себе.

В зеркале — другая я. Не та, которая сидит в приёмной и заваривает чай по регламенту. Та, которая купила кружево на деньги босса, чтобы он подавился уведомлением. Та, которая завтра поедет с ним в Казань и, возможно, будет стоять перед ним в этом — если хватит смелости.

— Не хватит, — шепчу я. — Ты трусиха.

Но пальцы уже скользят по кружеву на груди. Я закрываю глаза. И вижу его. Серые глаза. Тёмные волосы. Прядь, падающую на лоб. И его руки, длинные пальцы. Я представляю, как эти руки расстёгивают завязки на моих бёдрах. Медленно. С той же ледяной методичностью, с какой он правит мои отчёты.

По телу проходит дрожь. Я не должна. Я ненавижу его. Но тело не слушается. Ладонь скользит ниже, по животу, задерживается на кружеве трусиков. Я чувствую, как влажно

становится там, где кружево касается самого сокровенного. Я не трогаю себя, хотя соблазн огромен.

— Иван, — шепчу я, и тут же зажимаю рот рукой.

Нет. Не произносила. Не было.

Я резко открываю глаза. В зеркале — красное кружево, раскрасневшееся лицо. Идиотка.

Нервно снимаю с себя комплект. Завязки путаются, зажимы царапают кожу. Сбрасываю чулки, кружево летит на пол. Я стою голая перед зеркалом, тяжело дыша.

— Долгомаров, — произношу фамилию, как ругательство. — Ты не залезешь ко мне в голову. И тем более не залезешь куда-то ещё.

Я ложусь в постель, прижимаю одеяло к подбородку.

Капает кран. Кап-кап-кап. Капа мне сочувствует.

Я закрываю глаза. И вижу его: серые глаза, тёмные волосы, мягкие губы.

Непробиваемый.

— Ненавижу тебя, Иван Долгомаров, — шепчу я. — Ненавижу. Ненавижу. Ненавижу.

Если повторять это достаточно часто, можно и поверить.

Глава 2. Хищник в офисе

Она выходит.

Чёрт.

Я смотрю на дверь, которая закрывается за её тощей задницей, обтянутой юбкой-карандашом — моей юбкой, твою мать. На мои деньги куплена. Как и блузка. Как и туфли. Как и, я уверен, бельё, которое она нацепила под этот шёлк.

Бельё.

Я видел край кружева. Когда она наклонилась, чтобы положить папку на стол. Чёрное кружево. Миллисекунда. Но я засёк. Я всегда засекаю. Чёртово кружево Agent Provocateur, которое она купила на мою карту. Триста семьдесят семь тысяч. Я помню как читал отчет, когда завибрировал телефон. Помню уведомление на экране. «Agent Provocateur, списано 377 100 руб.». Я тогда чуть не подавился кофе.

Она специально. Дрянь. Решила меня спровоцировать. Ну, провоцируй. Посмотрим, кто кого.

Я сжимаю ручку так, что она трещит. Чай уже остыл. Я не пью. Я смотрю на пустой стул, где она сидела. На самом краю уселась. Спина прямая. Взгляд дерзкий. Я таких, как она, за годы переломал сотню. Но эта не ломается. Только злее становится. Только дерзит чаще.

«Почему вы не уволили меня в первый месяц?»

Потому что ты меня заводишь, Филатова. Потому что ко-

гда тыходишь в кабинет, у меня в штанах становится тесно. Потому что я хочу стащить с тебя эту блузку, которую ты купила на мои деньги, и посмотреть, что там под ней. И ты это знаешь. Ты, мать твою, знаешь, и поэтому носишь вырез ровно по стандарту. И все равно я вижу кружево.

Я встаю. Иду к окну. Питер серый, как моё настроение. Жизнь внизу кипит, а я здесь, наверху, сжимаю кулаки и пытаюсь не думать о том, как она поправляет выбившуюся прядь за ухо. Как облизывает губы, когда нервничает. Как пахнет — чем-то цветочным, дешёвым. Бесит!

Ладно. Работа. У нас работа, Долгомаров.

Я возвращаюсь к столу, открываю ноутбук. Бронирование отеля в Казани. Президентский люкс в «Мираж». Две спальни. Большая гостиная. Рабочая зона. Я намеренно выбираю две спальни — чтобы не нарушать табу. Я никогда не спал с сотрудниками. Нельзя. Слишком много рисков.хлопоты, которых мне не нужно. У меня бизнес на три миллиарда, мне не нужны иски о домогательствах от дерзкой девицы с ипотекой.

Но палец замирает над кнопкой «Забронировать».

Я смотрю на фото люкса на сайте. Кровать огромная, королевского размера, белое постельное бельё. Диван — чёрная кожа. Рабочий стол из стекла. Я представляю её на этом столе. Сидит, ноги скрестила — та самая поза, которая меня бесит и заводит одновременно. Юбка задралась. Чёрное кружево на виду. Я раздвигаю её ноги и захожу грубо, без пре-

людей.

В брюках становится тесно.

— Твою мать, — рычу я и откидываюсь в кресле.

Я не мальчик. Мне под сорок. У меня были женщины. Красивые, опытные, без претензий. Они не лезли в душу и не заставляли моё сердце биться чаще. Эта — не красивая. Тощая, бледная. Синяки под глазами от недосыпа. Я проверил, не замужем, но есть ипотека.

Она не мой тип. Мой тип это длинноногие блондинки с грудью четвёртого размера и нулём мозгов, чтобы не спорить. А эта спорит. Огрызается. Смотрит в глаза и не отводит взгляд.

Я ненавижу её. И хочу. Как ненормальный.

Ладно. Люкс с двумя спальнями. Это правильно. Это профессионально. Мы будем работать, и только работать. Казань. Открытие флагманского магазина. Новая планировка пространства — я сам её разрабатывал, каждый сантиметр. Новая коллекция кашемира, эксклюзив для этого региона. Встречи с партнёрами, проверка объектов, контроль отделки. Всё продумано, всё просчитано. Я должен всё проконтролировать. И она должна быть рядом — не через стенку в другом номере, а в доступе. Чтобы в любую секунду я мог потребовать отчёт, выпить чай, послать на хер.

Доступ. Я усмехаюсь. Хорошее слово.

Я нажимаю «Забронировать». Подтверждение приходит через секунду. Я смотрю на номер брони: RM-204. Две

спальни. И в моей голове уже картинки: она в соседней комнате, спит. Я слышу её дыхание через стенку. Представляю, как она лежит на боку, поджав колени к груди, как ребёнок. В чём она спит? В той же дешёвой футболке, которую носила до того, как я одел её? Или уже в шёлке? Купила ли она сорочку на мои деньги? Чёрт.

— Долгомаров, соберись, — говорю я своему отражению в тёмном окне. — Ты владелец многомиллиардной корпорации. Ты не подросток со скачущими гормонами.

Но член реагирует на её имя. Я опускаю взгляд, усмехаюсь. «Филатова». Если бы она знала, что это слово делает со мной, она бы бежала в ужасе. Или, зная её, наоборот, открыла бы вырез глубже, чтобы помучить меня.

Я представляю, как стаскиваю с неё эту блузку. Прямо здесь, на столе. Срываю пуговицы — все четыре, которые она так педантично застегнула. Шёлк трещит под пальцами. Второй слой — чёрное кружево, которое я оплатил. Бюстгальтер Agent Provocateur. Я специально залез на сайт посмотреть, что за бельё. Там нет скромных и невинных вещей. Это бельё для соблазнения. Полупрозрачное, шелковое, кружевное. Представляю, как снимаю с нее это бельё. Соски твёрдые от холода или от страха. Я беру её за затылок, заставляю смотреть в глаза, пока провожу большим пальцем по одному, потом по второму. Она дрожит. Молчит. Только губы сжаты. Я целую её грубо, с нажимом. Она кусает меня в ответ. До крови. Было бы отлично.

Юбку поднимаю, не расстёгивая. Трусики маленькие, кружевные. Я засовываю руку под них. Влажно. Горячо. Она готова. Но я не вхожу. Я дразню. Потому что хочу слышать, как она просит. Эта гордая, дерзкая девка, которая меня не боится — пусть она меня умоляет.

— Давай, Филатова, — шепчу я, сжимая её бедро. — Скажи «пожалуйста».

А она смотрит и не говорит. Только закусывает губу. И тогда я вхожу резко — на всю длину, одним движением. Она вскрикивает и вцепляется мне в плечи. А я смотрю в её расширенные зрачки.

— Твою мать, — вслух говорю я, и голос звучит хрипло.

Я сбрасываю галстук, расстёгиваю верхнюю пуговицу рубашки. Воздуха не хватает. В кабинете душно, хотя кондиционер работает на полную. Её запах остался — цветочный, сладкий. Я вдыхаю и закрываю глаза. Когда открою — её образа уже нет, и это правильно. Но я всё равно смотрю на дверь, в которую она вышла.

— Филатова, — повторяю я тихо, как заклинание.

И ухмыляюсь. Потому что завтра мы будем в Казани. В одном люксе.

Сотрудники — табу. Я сам установил это правило. Потому что спать с теми, кто от тебя зависит, это конфликт интересов. Это потеря контроля. А я не теряю контроль. Никогда. Но это было до Филатовой.

Я смотрю на ноутбук, на фото люкса. Кровать, диван,

стол. И внутри всё горит.

— Ладно, — говорю я и закрываю крышку. — Разберёмся.

Звоню Вере в приёмную. Она берёт трубку с шестого гудка.

— Вера, зайдите.

Она входит через минуту. Вера — баба лет пятидесяти пяти, с усталыми глазами и лишним весом, который она прячет под офисными блузами. Она умная — не лезет, не сплетничает, делает свою работу. Из всех сотрудников я терплю её дольше всех. Три года. Это личный рекорд.

— Иван Дмитриевич, — говорит она, вставая у двери.

— Командировка в Казань. Со мной едет Филатова. Отель я уже забронировал. Купите билеты на самолет на завтра. И проверьте, чтобы у неё была карта корпоративная — она может понадобиться для расходов.

— Хорошо, — кивает Вера. — Что-то ещё?

— Всё. Идите.

Она выходит. Я остаюсь один. Тишина. Только часы тикают. И в голове — она.

Я думаю о том, какая она в деле. Как звонит подрядчикам и юристам, как выбивает разрешения, как правит документы быстрее их всех. Она — адская машина эффективности. Если бы не дерзость, я бы сделал её своим заместителем. Но дерзость — это то, что меня в ней заводит. Без неё она была бы просто серой мышкой. А так — тигрица. Маленькая,

тощая тигрица.

Я снова открываю ноутбук. Пишу ей сообщение в мессенджере:

«Филатова. План переговоров на завтра переделайте. Пункт 12 развернуть. Пункт 15 убрать. К восьми вечера жду на почте».

Через три секунду приходит ответ:

«План был согласован вчера. Вы сами подписали. Что не так?»

Дерзкая.

«Пункт 12 развернуть, пункт 15 убрать. Вы не умеете читать?»

«Читаю. Не согласна с правками. Пункт 12 — наша ключевая позиция, развернутая формулировка позволит их юристам затормозить подписание. Пункт 15 — страховка на случай форс-мажора. Убирать нельзя».

«Пункт 15 — паранойя. Убирайте».

«Форс-мажор — не паранойя. Это бизнес. Помните историю с итальянцами? Без страховки мы бы потеряли полмиллиона».

Я замираю. Она напомнила мне о моей ошибке. Я забыл про страховку тогда, и она меня спасла. Вытащила этот пункт прямо перед итоговым подписанием, и сделка состоялась. Я тогда не поблагодарил. Сказал «Вы, кажется, не совсем бесполезны». А она промолчала. Но запомнила. И сейчас ткнула меня носом.

«Ладно».

«План на почте».

Я закрываю чат. Смотрю на экран. Типа мы просто обсуждаем план. Профессионально. Но я знаю, что она сейчас сидит за стеклянной перегородкой и улыбается. Радует, что выиграла этот раунд.

Пусть радуется. В Казани посмотрим, кто кого.

Я встаю, иду к бару в углу кабинета. Наливаю виски — двойную порцию. Пью большими глотками, не чувствуя вкуса. Горло обжигает. Хорошо.

— Филатова, — снова шепчу я. Имя, как ругательство.

Я смотрю на фото люкса на ноутбуке. Две спальни. Рабочий стол. Я буду сидеть за ним, а она — напротив. Готовить отчёты, звонить, писать. Я буду смотреть на её руки. На запястья тонкие, с голубыми венами. На шею — там бьётся пульс, когда она злится. На вырез.

— Завтра, — говорю я. — Завтра посмотрим, какая ты в полевых условиях.

Допиваю виски. Ставлю стакан на барную стойку. Иду к двери, чтобы выйти в приёмную — просто пройти мимо, проверить, не задерживается ли она. Причина: контроль. Настоящая причина — увидеть, как она поправляет выбившуюся прядь за ухо. Тупой жест. Заводит.

Выхожу. Она сидит за своим столом, смотрит в монитор. Не видит меня — я вышел тихо, бесшумно. Волосы собраны в пучок, выбившаяся прядь падает на глаз. Она поправляет

её за ухо. Я замираю, смотрю. Губы шевелятся — читает что-то вслух. Работает.

Я возвращаюсь в кабинет. Закрываю дверь. Сажусь в кресло. Пытаюсь работать — смотрю отчёты по Казани, сметы, планы. Не читается. Слишком много её.

— Чёрт, — говорю я и откидываюсь на спину.

Мне нужно выключить голову. Но я не могу. Всё, на что я способен — сидеть и представлять, как завтра мы будем в самолёте. Сиденья рядом. Моё плечо почти касается её. Запах цветочный, дешёвый. И кружево под блузкой. Чёрное.

Я опускаю взгляд на брюки в область паха.

— Отлично, Долгомаров, — усмехаюсь я. — Ты просто образец профессионализма.

Вечером, когда офис пустеет, я остаюсь один. Вера ушла в шесть. Она ушла полчаса назад. Я видел, как она застегивала пальто в приёмной. Как поправила воротник. Как вошла в лифт — спина прямая, голова поднята высоко.

Я смотрел на дверь лифта минуту после того, как он закрылся.

Потом вернулся к себе. Выключил свет в кабинете. Стоял у окна, смотрел на Большую Морскую.

И думал: «Завтра Казань. Одна спальня на двоих».

Я знал, что забронировал две. Но сегодня вечером мне хотелось думать, что одну.

Телефон в кармане вибрирует. Сообщение от неё:

«Электронные версии документов по Казани на почте. Проверьте, пожалуйста».

Я открываю. Читаю. Всё идеально.

«Принято», — пишу я.

И через минуту добавляю:

«Завтра не опаздывать».

«Не опоздаю. Спокойной ночи».

Я смотрю на экран. Она пожелала мне спокойной ночи. Никто не желает мне спокойной ночи. Я — монстр, которому не нужны пожелания.

Но от этих двух слов в груди теплеет.

— Чёрт, — говорю я снова. И выключаю телефон.

Еду домой — в пустую квартиру на Крестовском острове. Стекло, бетон, вид на залив. Холодно. Я включаю свет, наливаю воды в стакан. Стою на кухне, пью стакан за стаканом, не чувствую вкуса.

Ложусь на кровать, смотрю в потолок. Засыпаю с мыслью о кружеве. Она купила четыре комплекта. Я подсчитал, что можно взять на 377 тысяч. Какое именно она взяла? Черное? Красное? Розовое с черным? Какие трусы были на ней сегодня? Чёрные. Я почти уверен.

— Завтра, — шепчу я в темноту. — Завтра посмотрим, как ты снимешь свою броню.

Я закрываю глаза и вижу её. На столе в моём кабинете. На белой простыне в казанском люксе. На барной стойке, на полу, на ковре. Везде. Мне хочется её так, что зубы сводит.

— Спокойной ночи, Филатова, — говорю я пустой комнате.

И засыпаю с хищной улыбкой на губах.

Глава 3. Грехопадение в президентском люксе

Мы заезжаем в отель в четыре часа дня.

Питер остался за спиной — серый, промозглый, с набережными, которые я люблю, но сейчас мне не до любви. В самолёте я работала. В такси я работала. В лифте я работаю. Телефон не умолкает ни на секунду: юристы прислали правки к договору с новгородской фабрикой, финансисты требуют подтверждение по субаренде, отдел маркетинга снова не подвел итоги тендера на рекламу. Я отвечаю на сообщения, не поднимая головы. Даже не смотрю, куда иду.

Долгомаров шагает впереди. Я слеую за ним, как на поводке. Широкие плечи, идеальная осанка, чёрное пальто, которое стоит как моя ипотека. Он не оборачивается. Не проверяет, иду ли я. Он знает. Потому что я всегда иду за ним. Потому что я его гребаная тень.

Коридоры отеля «Мираж» пахнут дорогим освежителем и цветами. Ковры такие толстые, что каблуки утопают в них. Люстры хрустальные, как в Эрмитаже. Я глянула только раз, у стойки отеля, отдавая документы. Я сейчас не поднимаю глаз, читаю документ от юристов. Кажется, они не внесли все правки. Серьёзно? Куча взрослых мужиков с юридическим высшим, а проверить не могут двадцать пунктов? Я проли-

стываю страницу за страницей, и у меня закипает кровь.

Пункт 7.3 — они оставили старую формулировку, хотя я красным выделила: «изменить на «не позднее 15 рабочих дней». Пункт 12.1 — забыли про штрафные санкции. Пункт 14 — опечатка в сумме, вместо 1,2 миллиона стоит 12 миллионов. Идиоты. Полные идиоты. Если бы Долгомаров это увидел, он бы уволил весь отдел к чертям собачьим. Но тогда бы мне за них всех пришлось работать. А я и так уже работаю за троих. За пятерых. За всю эту армию бездарей, которые получают в два раза больше меня и при этом не могут расставить запятые.

Я делаю пометки в телефоне, пальцы летают по экрану. Надо будет вечером сесть и переписать этот договор самой. Потому что если я этого не сделаю, завтра Долгомаров найдёт каждую ошибку и будет смотреть на меня своим ледяным взглядом, а я буду стоять и краснеть, хотя эти ошибки — не мои. Но ему плевать. Для него вся компания — это я. Потому что я — последняя инстанция. Я — фильтр, через который проходит всё. И если говно просочилось, значит, я плохо отфильтровала.

Мы подходим к лифту. Долгомаров нажимает кнопку вызова. Я стою в полуметре за его спиной, читаю договор дальше. Лифт приезжает, двери открываются. Он заходит, я за ним, не поднимая глаз. В лифте зеркальные стены, но я смотрю в телефон. Он смотрит в свой. Мы — два робота, запрограммированных на эффективность. Говорим только цифра-

ми и пунктами. Ни одного лишнего слова.

— Филатова.

— Мгм? — не поднимаю головы.

— Вы проверили отчёт по продажам за четвёртый квартал?

— Да, Иван Дмитриевич. Всё сходится.

— А по третьему?

— Третий я переслала вам вчера в двадцать два ноль-ноль.

— Я не получил.

Я, наконец, поднимаю голову и смотрю на него в зеркало. Он смотрит на меня. Серые глаза спокойные и холодные. В лифте тесно. Его плечо почти касается моего. Я чувствую запах его парфюма — табак, кожа. И ненавижу, как сильно мне нравится этот запах.

— Сейчас перешлю ещё раз, — говорю я и снова утыкаюсь в телефон.

Лифт останавливается на пятнадцатом этаже. Двери открываются. Он выходит, я за ним. Коридор длинный, бесконечный, с позолоченными бра на стенах и номерами на дверях. Долгомаров идёт уверенно, не глядя по сторонам. Я читаю договор и едва не врезаюсь в него, когда он останавливается перед дверью с номером 204.

Он достаёт ключ-карту из кармана пальто. Прикладывает. Замок щёлкает. Дверь открывается.

Долгомаров заходит внутрь.

Я поднимаю голову.

Люкс. Президентский. Просторная гостиная, окна от пола до потолка, панорамный вид на город. Мебель из чёрного дерева, диван из дорогой кожи, ковры ручной работы. Стол — огромный, стеклянный, на шесть персон. В углу — бар с подсветкой. На стенах — картины в массивных рамах. Всё пахнет деньгами и властью.

Долгомаров ставит свой чемодан у входа. Я стою на пороге с телефоном в одной руке и чемоданом в другой.

Он поворачивается ко мне. Брови приподняты.

— Чего вы ждете, Филатова?

— А где я буду жить? — вырывается у меня. Голос звучит выше, чем обычно.

Он смотрит на меня, как на дуру.

— Со мной.

Чего? Он с дуба рухнул?! Нет. Не буду. Ни за что. Я делаю шаг назад, в коридор, и чемодан упирается мне в ногу.

— Не буду, — говорю вслух. — Я с вами не буду жить. Это... не профессионально.

Он усмехается. Коротко, быстро. Глаза остаются холодными.

— Ага, — говорит он. — А ещё непрофессионально покупать белье на мои деньги.

Я замираю. Конечно, я знала, что он видел уведомление о списании. Но он никогда не упоминал. И вот он сейчас напомнил мне об этом, чтобы сбить с толку. Чёрт. Чёрт, чёрт! Чёрт.

Я чувствую, как мои щёки заливаются краской. Сегодня на мне белая блузка из нашей новой коллекции — строгая, с воротником-стойкой, застёгнута под горло. Никакого выреза. Никакого соблазна. Я специально надела самую невинную вещь в своём гардеробе, потому что после вчерашнего монолога в зеркале мне было стыдно.

— Это была не рабочая, — говорю я тихо. — Это была... личная покупка.

— На мои деньги, — парирует он. — Так что считайте, что я имею право знать, что на вас сейчас.

Он делает шаг ко мне. Потом ещё один. Хватает меня за запястье — не больно, но твёрдо. Его пальцы горячие, как будто он только что держал чашку с кофе.

— Заходите, — говорит он и тянет меня внутрь.

Я влетаю в люкс, спотыкаюсь о порог, но он удерживает меня за руку. Потом отпускает, подхватывает мой чемодан, заносит его внутрь и ставит рядом со своим. Дверь за нами закрывается автоматически — слишком тихо, слишком окончательно.

— Тут две отдельные спальни, — говорит он, кивая в сторону двух дверей в противоположных концах гостиной. — Мне могут понадобиться отчёты ночью, и я не хочу идти по коридору и стучать в соседнюю дверь. Ясно?

Я перевожу дыхание. Две спальни. Отдельные. Я не буду спать с ним в одной комнате. В одной кровати. Я не буду...

— Ясно, — выдавливаю я. — Две спальни. Ладно.

Он уже потерял ко мне интерес, снимает пальто, вешает его в шкаф у входа.

— У нас встреча на объекте через сорок минут. Водитель ждёт внизу.

Мой макияж в порядке. А вот мои нервы — нет. Я киваю, беру чемодан и ухожу в свою спальню — ту, что слева. Закрываю за собой дверь. Потом приоткрываю ровно настолько, чтобы услышать, если он позовёт. Потому что если я не услышу, он придёт сам. А я не хочу, чтобы он входил.

Спальня огромная. Кровать королевского размера с белоснежным постельным бельём, пуховыми подушками и покрывалом, которое хочется потрогать. На тумбочке — бутылка минеральной воды и маленькая шоколадка. Я смотрю на эту кровать и представляю, как завалюсь на нее вечером.

Я быстро оглядываю себя в зеркале. Поправляю причёску, подкрашиваю губы. Взгляд падает на блузку, скользит вниз по юбке. Это моя маленькая тайна. Я надела бордовый комплект. И чулки. Где-то в глубине души, в самой тёмной её части, я хочу, чтобы он знал, что под строгим офисным костюмом я ношу ажурные чулки. И пусть он сдохнет от желания. Хотя есть вероятность, что раньше я сдохну от стыда. Одно из двух.

Выхожу из спальни. Он уже в пальто, ждёт у двери, смотрит на часы. Открывает дверь, давая понять, что мы выходим.

Мы едем на объект. Бизнес-центр в центре Казани, поме-

щение под будущий флагманский магазин Arctic Monarch. В машине висит тишина. Рабочая, напряжённая, заполненная звонками и сообщениями. Я сижу на заднем сиденье, он рядом. Водитель — молчаливый татарин в чёрной кепке смотрит на дорогу и молчит.

Телефон разрывается. Почта, мессенджеры, звонки. Я отвечаю на одно сообщение, на второе, на третье. Он тоже уткнулся в свой телефон — большой, чёрный, дорогой. Его пальцы бегают по экрану быстрее, чем мои.

— Пункт пять, — говорит он, не отрываясь от экрана. — Там формулировка про отсрочку. Надо поменять.

Я уже знаю, о каком договоре речь. Договор с новгородской фабрикой по поставкам кашемира. Пункт пять — отсрочка платежа. Я открываю нужный файл и начинаю править, не дожидаясь его прямого указания.

— Метраж торгового зала? — спрашивает он.

— Четыреста восемьдесят квадратов, — отвечаю я. — Плюс подсобные помещения сто двадцать.

Я помню наизусть. Я помню всё, что связано с этим проектом. Потому что пришлось выучить.

Он кивает. Молча. Я понимаю это как одобрение.

К моменту, когда мы подъезжаем к бизнес-центру, мы успеваем согласовать три письма и подготовить правки на двух контрактах — с новгородской фабрикой и с итальянскими поставщиками отделочных материалов. Я отправляю всё юристам, даю им пару часов на внесение правок и став-

лю себе пометку «вернуться вечером, проверить финальные правки».

— Выходим, — говорит он и открывает дверь машины.

Я тоже открываю свою. Каблуки мягко опускаются на асфальт. Сегодня мои любимые лодочки, каблук девять сантиметров, но удивительно удобный. И еще эти туфли делают мои ноги длиннее и добавляют мне уверенности.

Выхожу из машины. Юбка-карандаш немного ползёт вверх, когда я соскальзываю с сидения и выпрямляюсь. Я чувствую, как холодный воздух касается резинки чулок. На секунду, на одну короткую секунду, я вижу его взгляд. Он увидел чулки. Но мы оба не подаём виду.

Я поправляю юбку, одёргиваю блузку, беру телефон и папку с документами. Он уже идёт ко входу в бизнес-центр широким шагом, не оглядываясь. Я догоняю его, каблуки цокают по асфальту.

Помещение под будущий магазин еще пустое, бетонное, пахнет краской и стройкой. Огромные окна, высокие потолки, колонны. Я смотрю на этот серый бетон и вижу, что здесь будет через два месяца: светлые стены, дорогой паркет, вешалки с кашемиром, подсветка, зеркала. Я помню планировку наизусть — каждый сантиметр, каждую розетку, каждую точку освещения. Он придумал сам, и проект был действительно стоящим. Я его согласовывала с дизайнерами три недели, через скандалы, через истерики. Теперь все должно быть идеально.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.